

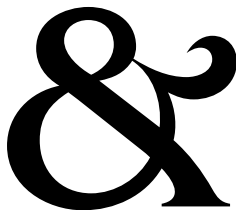
АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Ольга БАСКОВА

**Золотой конь
Митридата**

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б27

Оформление серии *С. Курбатова*

Дизайн обложки *Н. Кудри*

Баскова, Ольга.

Б27 Золотой конь Митридата : [роман] / Ольга Баскова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-099563-9

Самым известным сокровищем легендарного царя Митридата считалась статуя его коня в полный рост, отлитая из золота. Но куда этот конь исчез, никому не известно. Возможно, об этом сказано в древнем пергаменте, который оставил своей вдове Ларисе профессор истории Станислав Красовский. Одним из его жизненных принципов было не выходить в море в шторм, поэтому, когда Ларисе сообщили о том, что ее муж во время грозы разбился на яхте, она не поверила. А вскоре сомнений у нее только прибавилось...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Баскова О., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099563-9

Глава 1

Синопа, 111 год до н.э.

Лаодика развалилась на ложе, покрытом белоснежными простынями, и задумчиво глядела в потолок. Черный маленький паучок полз к окну, шевеля крохотными лапками, и она подумала, что ему не спастись. Слуги, тщательно следящие за чистотой, уничтожат его, а этого нельзя делать. Кто-то говорил, что в этом краю нет ядовитых пауков, и лучше их не трогать. Убьешь — плохая примета. Но, как бы то ни было, несчастное членистоногое — пленник в четырех стенах, и ему не выбраться без посторонней помощи. Как и ей. На гладком белоснежном лбу царицы появились морщины, и начальник телохранителей Мнасией, возлежавший рядом на влажных смятых простынях, озабоченно посмотрел на любовницу, еще минуту назад дарившую ему горячие ласки.

— Что случилось?

Она приподнялась на локте, и Мнасией залюбовался ее красотой, поистине божественной: прямой нос, округлый лоб, на который крутой волной падали светлые кудри. Большие глаза оттенялись длинными ресницами, сочные чувственные уста цвета густого вина манили припасть к ним, испить сладкую влагу.

— Как ты хороша! — вырвалось у него, и Лаодика недовольно взглянула на любовника.

— Красота не сделала меня счастливой. — Она откинула волосы, водопадом упавшие на плечи. — Я была счастлива только в детстве, со своей семьей. А потом... А потом наступила тьма, из которой мне уже не вырваться.

По его недоуменному взгляду женщина видела, что любовник ее не понимает. Ее никто не понимает, все думают — раз царица, значит, бесится только с жиру. Ну в самом деле, чего ей не хватает? Любящий муж, исполняющий любые желания, красивые дети, роскошь... Им, этим глупым людям, невдомек, что она пленница в роскошном дворце супруга. То ли дело дома, в Селевкии, где она родилась, на берегу полноводной реки Оронты! Свобода, свобода, ничем не стесненная! Перед ее глазами прошли подруги, с которыми она любила играть и танцевать, учителя, обучавшие игре на кифаре и грамоте. Она слыла прилежной ученицей, хотя ее отец, сирийский царь Антиох Эпифан, не слишком принуждал дочь к наукам. Он знал: ее удел — замужество, но не по любви — по любви цари и царевны не женятся, — и потому никогда, как и ее мать, не интересовался, кто пленил взоры царевны. Она вспоминает глаза и улыбку юноши с маленького острова, который пел ей песни о любви и море, но никогда не смел взять ее за руку — ведь она царская дочь! И уж точно не ему стать ее суженым. Впрочем, и Антиох долго размышлял, за кого выдать дочь-красавицу, чтобы укрепить свое царство. Много приходилось ему воевать, со всех сторон наступали враги: из-за Тигра — парфяне, из пустынь — пропахшие зноем, загорелые до черноты арабы. Некогда могучее государство Селевкидов грозило утратить владения в Малой Азии. На кусочек его территории — Келесирию — посматривал Египет, а алчные римляне давно облизывались на всю территорию и делали все, чтобы Селевкидская держава утратила мощь. После долгих раздумий о судьбе страны Антиох решил сблизиться с понтийским царем Митридатом, не раз дававшим римлянам отпор и не признававшим их политику. Как только отец объявил ей об этом, она, рыдая, бросилась к его ногам, крича:

— Отец, вы желаете моей смерти...

Но у царя не дрогнул ни один мускул на морицинистом лице, и Лаодика поняла: как бы он ни любил ее, она всегда была разменной монетой в его политике. И послушаться его она не имела права: от нее зависела судьба страны, судьба ее народа. Так бедняжка отправилась на побережье Понта Эвк-

синского и стала понтийской царицей. Она сразу невзлюбила мужа и его подданных, диких — как ей казалось — язычников. Ее не радовало море, даже цветом отличавшееся от того, что омывало побережье ее родной страны, горы и леса вызвали раздражение. Весточки от родных приходили редко, и в них она не чувствовала тепла и тоски по ней. Родители сообщали лишь о войнах и о своем здоровье, наверное, считая, что дочери хорошо. Впрочем, теперь она была бы рада любой весточке, да посылать их уже давно некому. Сначала умерла мать, всегда, как она думала, бывшая не царицей, а служанкой при муже, не имевшей права замолвить словечко даже за детей, потом отец, и на трон вззошел ее старший брат Антиох, тоже вскоре почивший. Ушли все, кто ее любил. Правда, остался младший брат Деметрий, в конце концов занявший престол, но он никогда не был близок с сестрой. К тому же скоро прилетела весть о его гибели. Кто царствовал сейчас в ее стране, она не знала. Слишком много царей сменилось за короткое время.

— Я знаю, что тебя тревожит, — сочный грудной голос Мнасителя вторгся в ее мысли. — Ты скорбишь о том, что за многие годы, проведенные здесь, так и не стала настоящей царицей. И я с тобой согласен.

— Что ты имеешь в виду, Мнаситель? — грозно спросила Лаодика, касаясь его тела, сплошь состоявшего из мускулов. — Говори!

— Ты никогда не любила Митридата Эвергета в отличие от знати и народа, — начал он. — Ты никогда не задумывалась, царица, почему его прозвали Эвергетом? Это значит благодетель. Он образован, приносит жертвы богам, играет на нескольких музыкальных инструментах — и все же тебе не мил, потому что не разделяет с тобой власть. Ты мать его детей — и только.

— Откуда ты это знаешь? — спросила она презрительно. — Разве я кому-нибудь жаловалась?

— А мне не нужны твои жалобы, чтобы узреть очевидное. — Он погладил черную бороду. — Ты несчастна, а я хочу всего лишь предложить тебе совет. Избавься от мужа.

Она вздрогнула, гладкий мраморный лоб покрылся потом. Ей показалось, что позолоченный грифон на стене напрягся и оцетинился, услышав такие крамольные речи.

— Ты с ума сошел!

— Нет, я размышляю как никогда здраво, царица, — продолжал Мнасителей. — Покончи с супругом и взойди на трон. Ты достойна этого.

Лаодика закрыла глаза. Длинные ресницы трепетали на мраморных щеках.

— Как это сделать? — прошептали ее сочные губы.

— Сегодня я принесу тебе одно снадобье. — Начальник телохранителей наклонился к самому ее уху. — С завтрашнего дня ты станешь подливать его в еду царю. Он умрет не сразу, сначала заболеет, и на тебя никто не подумает.

Она провела рукой по вспотевшему лицу:

— А если он догадается?

— Никто не догадается, царица, — заверил ее Мнасителей. — Сначала ты покончишь с ним, потом со старшим сыном Митридатом, которого твой супруг уже благословил на трон. Дочерей и твоего второго сына бояться нечего. Ты позаботишься о том, чтобы девочки поскорее вышли замуж и покинули царство, а твой младший очень болезненный, и Аид вскоре заберет его в свое царство без нашей помощи.

— Муж составил завещание. — Лаодика приподняла волосы. — В нем он назначает опекунами сыновей преданных царедворцев. Твоего имени там нет, как и моего...

Мнасителей оскалится, показав белые ровные зубы.

— Завещание можно подделать, — проговорил он и поскреб щетинистую щеку. — Это нетрудно. Ну, решайся.

Она села, белоснежная простыня сползла с тела античной богини. Начальник телохранителей залюбовался ее совершенными формами. Вот это женщина! Только бы она послушала его, только бы избавилась от супруга! Лаодика резко повернулась к нему, и упругая грудь гранатовыми сосками нацелилась ему в лицо.

— Думаешь, я не знаю, что ты тоже заинтересован в его смерти? — ехидно спросила женщина. — Ты и твои друзья

давно снюхались с римлянами и мечтаете о времени, когда они поробуют и нас.

Мнасией откинулся на мягкие пуховые подушки.

— Допустим. — В его голосе не слышалось ни капли раскаяния. — Римляне на данный момент самые сильные в мире. Нужно держаться сильных, это известно всем. А твой супруг с полководцем Дорилаком Тактиком собирает новое войско, чтобы, как он говорит, покончить с притязаниями римлян на государство Малой Азии. Поверь, это приведет к тому, что нас действительно поробуют. Но если мы встанем на их сторону, то сможем диктовать им свои условия. Ну, соглашайся же, или из царицы превратишься в римскую наложницу.

— Я согласна, — прошептала она. — Я согласна.

— Тогда завтра... — любовник не успел закончить фразу. В дверь покоев тихо постучали. Оба знали, что это опяхальщик, преданный царице.

— Приехал ваш супруг, госпожа! — проговорил он.

Мнасией молниеносно вскочил с ложа:

— Одевайся. Мы не должны вызвать подозрение. В полдень придешь к храму Афины. Я принесу снадобье.

— Да. — Лаодика накинула разбросанные одежды, вывела любовника в коридор и отправилась встречать мужа. Он и сам спешил навстречу, высокий, плечистый, всегда напоминавший ей статую Зевса. Старший сын, двенадцатилетний Митридат, поразительно похожий на отца, шагал рядом, стараясь не отставать. Во дворце ни для кого не было секретом, что Митридат — любимец царя. Отец нанимал ему лучших учителей, обучавших ребенка нескольким языкам, игре на музыкальных инструментах, верховой езде, этикету. Злые языки шептали, что Митридат Эвергет выделяет старшего отпрыска, потому что при его рождении над спальней повисла огромная комета. Получается, уже сызмальства Митридат-младший был отмечен богами, правильнее сказать, самим Зевсом-громовержцем, и кто, как не он, должен занять царский трон.

Отец и сын поздоровались с Лаодикой и направились в трапезную. Рабыни, молодые и не очень, хорошенькие и уродливые, сутились, уставляя едой маленькие столики. Пахло оливками, рыбой, жареной птицей. На апоклинтрах, специальных стульях, сделанных так, чтобы сидящим на них не нужно было двигаться, уже возлежали две Лаодики-младшие, названные по традиции в честь матери и поразительно не похожие друг на друга. Старшая взяла от родителей лучшее и обещала по красоте превзойти мать, а младшая, гадкий утенок, тощая, нескладная, с длинным носом и большим ртом, вызывала вопросительные взгляды и удивление: как такой ребенок мог появиться у красавцев-родителей? Второй Митридат (оба мальчика звались в честь отца), болезненный, измученный, худой, до сих пор живший на женской половине, выглядел бледной копией брата, карандашным наброском старшего, розовощекого, синеглазого, с гибким тренированным телом. Он лишь слабо улыбнулся, поприветствовав отца. Эвергет боялся прикоснуться к нему, поэтому отложил занятия, которым обучали каждого мальчика, особенно знатного происхождения, на неопределенное время. Слабенький, гибкий и тонкий, как былинка ковыля, мальчик не усидел бы в седле, не поднял меч. Память его отказывалась запоминать алфавит, и родители тешили себя надеждой, что у него все еще впереди. Врач, неотлучно находившийся при мальчике, каждый день сообщал о состоянии его здоровья, и порой его сообщения были обнадеживающими.

Для трапезы царской семьи сдвигали три апоклинтра буквой «П», а с четвертой стороны рабы подносили столики с едой, угощения и вина. Митридат омыл руки в круглой серебряной чаше, подождал, пока красивая рабыня Валерия, иногда делившая с ним ложе, плеснет ему вина, пригубил его, медленно, смакуя вкус, плеснул немного на пол, совершая возлияние богам, и Лаодика почувствовала тошноту. Завтра, завтра ей принесут яд, и она нальет его перед обедом вот в этот самый золотой кубок, доставшийся мужу по наследству от отца. Никто никогда не смел прикасаться

к нему, поэтому нечего бояться, что кто-то другой отведаст питье вместо него. Лаодика опустила глаза, катая по скатерти оливку черного цвета с укусным запахом. О боги, пошлите ей силы!

— Ты ничего не ешь, что с тобой? — Митридат Эвергет заботливо посмотрел на жену. — Почему?

Она дернула обнаженным левым плечом с крошечной черной родинкой:

— От запаха жареной рыбы меня тошнит.

Царь улыбнулся, и его мужественное лицо посветлело:

— Возможно, у меня будет наследник?

Лаодика вздрогнула, оливка упала на пол, оставив темный след на белоснежном мраморе.

— Не думаю, — ответила она. — Просто болит голова.

Эвергет вздохнул и обратил взор на детей. Девочки, обе Лаодики, ели изящно, отрывая от куропатки маленькие кусочки и складывая кости на пол. Старший, Митридат, жадно рвал хорошо прожаренное мясо, а младший сидел, погруженный в свои думы, глядя на нетронутую еду. У него никогда не было аппетита, и родители силой заставляли его съесть хотя бы кусочек. Заметив напряженный взгляд отца, он немного пожевал крылышко куропатки и закашлялся. Врач, всегда бывший рядом, во время трапезы скромно сидевший в углу, подбежал к своему подопечному и заставил его принять какой-то порошок. Ребенок покорно выпил, и на его бледном одутловатом лице отразилось страдание.

— Не лучше ли ему лечь в постель? — произнесла царица. Врач, седобородый, плотный, с пронзительными серыми глазами, закивал:

— Да, так будет лучше.

Он помог ребенку встать и повел его в покои. Митридат-младший еле передвигал ноги. Эвергет поморщился, глядя на немощего сына, вспомнив слова повитухи, принимавшей роды у жены:

— Этот долго не протянет. Денька два-три, не больше.

Но мальчик цеплялся за жизнь, состоящую из простуд, припадков, худенькими прозрачными ручонками, по-

корно принимал лекарства и вот уже десять лет влачил жалкое существование. Какая противоположность брату! Несмотря на то что в обществе презирали слабых, отец и мать любили его и делали все, чтобы облегчить страдания несчастного. Старший сын проводил брата равнодушным взглядом и посмотрел на сестер. От отца он недавно узнал, что по традиции придется жениться на Лаодикемладшей, уродливом существе с кривыми желтоватыми зубами, и от этой мысли его передергивало. Он уже достиг двенадцатилетнего возраста, и его наставник рассказал мальчику о плотской любви. И этим предстоит заниматься с уродливой сестрой, вдохнуть пряный запах ее мышинных волос? Отец, услышав его сетования, посмеялся и сказал, что позже Митридат может взять в жены любую приглянувшуюся девушку. Но это потом. Брака с Лаодикой избежать нельзя. Это традиция, а традиции нужно чтить.

Лаодика заметила пристальный взгляд брата и показала ему язык. Мальчик хотел запустить в нее оливкой, но передумал. Это горю не поможет. Он взял бокал и залпом выпил разбавленное вино. Эвергет уже закончил трапезу и вместе с Лаодикой прошествовал в покои. Митридату не хотелось отдыхать, и он вышел во дворик, побродить по саду, а потом наведаться к любимому коню. Дойдя до скамейки, наполовину скрытой серебристыми ветвями лоха, он присел на нее, спасаясь от полуденного зноя, и с удивлением увидел, как его мать крадучись идет к выходу. Это насторожило мальчика. Почему крадучись? В конце концов мать — царица и должна гордо носить красивую голову. Так, как шла она, ходили только люди, замыслившие что-то нехорошее, во всяком случае, он так считал. Что же замыслила его мать?

Прячась в тени мандариновых деревьев, он направился за ней. Поднимаясь по дороге, ведущей в гору, Лаодика несколько раз воровато оглянулась, но не заметила сына, идущего за ней по пятам. Дойдя до храма Афины, выделявшегося мраморными колоннами, женищина остановилась. Митридат притаился в зеленом колючем терновнике, не

обращая внимания на уколы острых шипов. Пахло сухой травой, тишину нарушали цикады, выводившие древние, как мир, песни. Когда из-за толстого ствола эвкалипта вынырнул Мнасией, Митридат затаил дыхание. Что здесь делает этот человек? Неужели пришел на свидание к его матери? Он старался не пропустить ни единого слова, но все равно ничего не расслышал. Эти двое шептались, как заговорщики, Мнасией передал Лаодике какой-то коричневый сосуд, что-то долго объяснял. До Митридата донеслись лишь прощальные слова начальника телохранителей:

— Помни, от этого многое зависит.

Мать сверкнула глазами, согнулась и, не попрощавшись, направилась во дворец, осторожно шагая по протоптанной тропе. Мальчику захотелось догнать ее, схватить за волосы и выведать тайну — он был уверен, что мать что-то скрывает. Однако сделать это Митридат не решился. Тогда ему было невдомек, что такой поступок мог изменить многое. Проводив мать до дворца, мальчик пошел к конюшне, где его уже ожидал наставник. В душе боролись противоречивые чувства: любовь к матери и желание разоблачить ее. Может быть, все рассказать отцу? Но что, если в ее действиях нет ничего преступного? Тогда над ним посмеются, и прежде всего будущая жена. Нет, лучше никому ничего не говорить, во всяком случае, пока. Он последит за матерью, а потом решит, как быть дальше.

Мальчик продолжил путь к конюшне, где его ожидал мужчина с белым шрамом под глазом, выделявшимся на его смуглом лице. Это был храбрый воин и наставник Митридата Тирибаз, обучавший его по поручению отца всему: верховой езде, владению мечом, стрельбе из лука. В отличие от других учителей Тирибаз не разлучался с Митридатом, даже спал с ним в одной комнате. Увидев озабоченное лицо царского сына, Тирибаз участливо заглянул ему в глаза:

— Что случилось?

Мальчику до смерти хотелось поделиться с учителем, но он понимал, что это не только его тайна. Царевич ответил как можно равнодушнее «ничего», и Тирибаз не стал

пытать его дальше. Главное, жизни его воспитанника ничто не угрожает. А секреты... что ж, у двенадцатилетнего мальчика они могут быть. Воин похлопал его по плечу и сказал:

— Начнем с верховой езды. Я уже оседлал тебе коня.

Дивноморск, 2017

В ту прохладную влажную июньскую ночь за окном жалобно и назойливо щебетала какая-то птица. Лариса, проснувшись, с тревогой прислушалась к шумам в саду и доме. Она никак не могла привыкнуть, что дачный дом, небольшой, двухэтажный, с красной черепичной крышей и овальными окнами, густо оплетенный диким виноградом, делавшим его похожим на жилище гномов, такой уютный и такой загадочный, постоянно был наполнен звуками. Ей казалось, что в нем всегда присутствовал шум, возможно, рожденный сном или воображением. Но сейчас шум наполнил шелест дерева о дерево, будто кто-то сначала открыл дверцу гардероба, потом выдвинул ящик тумбочки. Не выдержав, женщина испуганно вскочила. Когда на втором этаже пронзительно хлопнула оконная рама, ринулась наверх и, увидев, что все в порядке, тут же успокоила себя:

— Это ветер, это всего лишь ветер. Штормовое предупреждение. Так говорили по телевизору.

Однако от этих слов ей не стало лучше, и, преодолевая страх, она поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж и закрыла окно, подумав о том, что никогда не стала бы ночевать одна на даче, если бы ее не просил об этом Стас. Три дня назад, уезжая в командировку, супруг сказал, глядя ее медные волнистые волосы:

— Я понимаю, ты не любишь находиться здесь одна. Но прошу тебя, не уезжай домой, пока меня не будет. Я хочу вернуться сюда. Тебе известно, как я люблю этот дом, с каким удовольствием работаю на свежем воздухе. Все мои лучшие научные работы были написаны здесь... А кроме того, на даче я отдыхаю душой.

И она послушно осталась. Стас обещал вернуться еще вчера, однако не вернулся, не звонил и — самое удивительное — не брал трубку. Смутные подозрения, что он не в командировке, опять закрались в душу. Действительно ли он уехал по делам или в их привычную размеренную жизнь вкралась какая-то женщина? Подозревать мужа в неверности были основания. Иногда — или ей только казалось? Да нет, вряд ли — от него пахло тонкими французскими духами «Клима». Она хорошо знала этот запах — феерию воздушных, сладких и терпких нот — такими душились уверенные в себе, состоявшиеся дамы. Красовская предпочитала «Нино Риччи». «Клима» душилась ее покойная мама, и этот аромат всегда витал в воздухе их старой квартиры. Сейчас эти духи были редкостью, но некоторые интернет-магазины еще предлагали их за баснословную цену. Следовательно, их можно было достать. Следовательно, спутница ее мужа могла ими душиться. Естественно, Лариса спрашивала о запахе, так некстати доносившемся с ворота безупречно чистой рубашки, перебивая мужнин «Кензо», однако Стас только отшучивался: дескать, была конференция, после нее банкет, а потом все, изрядно выпивши, прощались и обнимались. Разумеется, были и женщины. Но ведь в дружеских объятиях нет ничего зазорного, верно? Лариса, слушая мужа, и верила, и не верила. Она страшно боялась, что в один прекрасный день умный и обаятельный, чертовски похожий на Тома Круза Стас ее бросит, найдет помоложе и покрасивее, например, среди своих студенток, и тогда... Тогда лучше умереть, чем жить на свете совсем одной. За десять лет брака они не родили детей, потому что этого не хотел Стас (хотя, наверное, думал), а Лариса боялась даже заикнуться об этом. И тем не менее между ними всегда стоял безмолвный Вопрос о детях, именно Вопрос с большой буквы, стоял как живой человек, иногда напоминая о себе криками племянника, играми соседских детишек и ничего не значащими намеками. Когда-нибудь, но не теперь... А теперь ей уже тридцать восемь. Муж еще мужчина в соку, а она... Бесплодная